Ночлеги

Category: Goşgular,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Ночлеги НОЧЛЕГИ

Цикл

1. На постоялом дворе

Вступили кони под навес,
Гремя бесчеловечно.
Усталый, я с телеги слез,
Ночлегу рад сердечно.

Спрыгнули псы; задорный лай
Наполнил всю деревню;
Впустил нас дворник Николай
В убогую харчевню.

Усердно кушая леща,
Сидел уж там прохожий
В пальто с господского плеча.
«Спознились, сударь, тоже?» —

Он, низко кланяясь, сказал.
«Да, нынче дни коротки. —
Уселся я, а он стоял. —
Садитесь! выпьем водки!»

Прохожий выпил рюмки две
И разболтался сразу:
«Иду домой… а жил в Москве…
До царского указу

Был крепостной: отец и дед
Помещикам служили.
Мне было двадцать восемь лет,
Как волю объявили,

Наш барин стал куда как лих,
Сердился, придирался.
А перед самым сроком стих,
С рабами попрощался,

Сказал нам: „Вольны вы теперь, —
И очи помутились, —
Идите с богом!“ Верь, не верь,
Мы тоже прослезились

И потянулись кто куда…
Пришел я в городишко,
А там уж целая орда
Таких же — нет местишка!

Решился я идти в Москву,
В конторе записался,
И вышло место к Покрову.
Не барин — клад попался!

Сначала, правда, злился он.
Чем больше угождаю,
Тем он грубей: прогонит вон…
За что?.. Не понимаю!

Да с ним — как я смекнул поздней —
Знать надо было штучку:
Сплошал — сознайся поскорей,
Не лги, не чмокай в ручку!

Не то рассердишь: „Ермолай!
Опомнись! как не стыдно!
Привычки рабства покидай!
Мне за тебя обидно!

Ты человек! ты гражданин!
Знай: сила не в богатстве,
Не в том — велик ли, мал ли чин,
А в равенстве и братстве!

Я раболепства не терплю,
Не льсти, не унижайся!
Случиться может: сам вспылю –
И мне не поддавайся!..“

Работы мало, да и той
Сам половину правил,
Я захворал – всю ночь со мной
Сидел – пиявки ставил;

За каждый шаг благодарил.
С любовью, не со страхом
Три года я ему служил –
И вдруг пошло всё прахом!

Однажды он сердитый стал,
Порезался, как брился,
Всё не по нем! весь день ворчал
И вдруг совсем озлился.

Кастит!.. „Потише, господин!“ –
Сказал я, вспыхнув тоже.
„Как! что?.. Зазнался, хамов сын!“ –
И хлоп меня по роже!

По старой памяти я прочь,
А он за мной – бедовый!..
„Так вот, – продумал я всю ночь, –
Каков он – барин новый!

Такие речи поведет,
Что слушать любо-мило,
А кончит тем же, что прибьет!
Нет, прежде проще было!“

Обидно! Я его считал
Не барином, а братом…
Настало утро – не позвал.
Свернувшись под халатом,

Стонал как раненый весь день,
Не выпил чашки чаю…
А ночью барин словно тень
Прокрался к Ермолаю.

Вперед уставился лицом:
„Ударь меня скорее!
Мне легче будет!..“ (Мертвецом
Глядел он, был белее

Своей рубахи.) „Мы равны,
Да я сплошал… я знаю…
Как быть? сквитаться мы должны…
Ударь!.. Я позволяю.

Не так ли, друг? Скорее хлоп
И снова правы, святы…“
— „Не так! Вы барин — я холоп,
Я беден, вы богаты!

(Сказал я.) Должен я служить,
Пока стает терпенья,
И я служить готов… а бить
Не буду… с позволенья!..“

Он всё свое, а я свое,
Спор долго продолжался,
Смекнул я: тут мне не житье!
И с барином расстался.

Иду покамест в Арзамас,
Там у меня невеста…
Нельзя ли будет через вас
Достать другое место?..»

2. На погорелом месте

Славу богу, хоть ночь-то светла!
Увлекаться так глупо и стыдно.

Мы устали, промокли дотла,
А кругом деревеньки не видно.

Наконец увидал я бугор,
Там угрюмые сосны стояли,
И под ними дымился костер,
Мы с Трофимом туда побежали.

«Горевали, а вот и ночлег!»
— «Табор, что ли, цыганский там?» — «Нету!
Не видать ни коней, ни телег,
Не заметно и красного цвету.

У цыганок, куда ни взгляни,
Красный цвет — это первое дело!»
— «Косари?» — «Кабы были они,
Хоть одна бы тут женщина пела».

— «Пастухи ли огонь развели?..»
Через пни погорелого бора
К неширокой реке мы пришли
И разгадку увидели скоро:

Погорельцы разбили тут стан.
К нам навстречу ребята бежали:
«Не видали вы наших крестьян?
Побираться пошли — да пропали!»

— «Не видали!..» Весь табор притих…
Звучно щиплет траву лошаденка,
Бабы нянчат младенцев грудных,
Утешают ребят старушонка:

«Воля божья! усните скорей!
Эту ночь потерпите вы только!
Завтра вам накуплю калачей.
Вот и деньги… Глядите-ка сколько!»

— «Где ты, бабушка, денег взяла?»

— «У оконца, на месячном свете,
В ночи зимние пряжу пряла…»
Побренчали казной ее дети…

Старый дед, словно царь Соломон,
Роздал им кой-какую одежу.
Патриархом библейских времен
Он глядел, завернувшись в рогожу;

Величавая строгость в чертах,
Череп голый, нависшие брови,
На груди и на голых ногах
След недавних обжогов и крови.

Мой вожатый к нему подлетел:
«Здравствуй, дедко!» — «Живите здоровы!»
— «Погорели? а хлеб уцелел?
Уцелели лошадки, коровы?..»

— «Хлебу было сгореть мудрено, —
Отвечал патриарх неохотно, —
Мы его не имели давно.
Спите, детки, окутавшись плотно!

А к костру не ложитесь: огонь
Подползет — опалит волосенки.
Уцелел — из двенадцати — конь,
Из семнадцати — три коровенки».

— «Нет и ваших дремучих лесов?
Век росли, а в неделю пропали!»
— «Соблазняли они мужиков,
Шутка! сколько у барина крали!»

Молча взял он ружье у меня,
Осмотрел, осторожно поставил.
Я сказал: «Беспощадней огня
Нет врага — ничего не оставил!»

— «Не скажи. Рассудила судьба,
Что нельзя же без древа-то в мире,
И оставила нам на гроба
Эти сосны…» (Их было четыре…)

3. У Трофима

Звезды осени мерцают
Тускло, месяц без лучей,
Кони бережно ступают,
Реки налило дождей.

Поскорей бы к самовару!
Нетерпением томим,
Жадно я курю сигару
И молчу. Молчит Трофим,

Он сказал мне: «Месяц в небе
Словно сайка на столе» —
Значит: думает о хлебе,
Я мечтаю о тепле.

Едем… едем… Тучи вьются
И бегут… Конца им нет!
Если разом все прольются —
Поминай, как звали свет!

Вот и наша деревенька!
Встрепенулся спутник мой:
«Есть тут валенки, надень-ка!»
— «Чаю! рому!.. Всё долой!..»

Вот погашена лучина,
Ночь, но оба мы не спим.
У меня своя причина,
Но чего не спит Трофим?

«Что ты охаешь, Степаныч?»
— «Страшно, барин! мочи нет.

Вспомнил то, чего бы на ночь
Вспоминать совсем не след!

И откуда черт приводит
Эти мысли? Бороню,
Управляющий подходит,
Низко голову клоню,

Поглядеть в глаза не смею,
Да и он-то не глядит —
Знай накладывает в шею.
Шея, веришь ли? трещит!

Только стану забываться,
Голос барина: „Трофим!
Недоимку!“ Кувыркаться
Начинаю перед ним…»

— «Страшно, видно, воротиться
К недалекой старине?»
— «Так ли страшно, что мутится
Вся утробушка во мне!

И теперь уйдешь весь в пятки,
Как посредник налетит,
Да с Трофима взятки гладки:
Пошумит — и укатит!

И теперь в квашне солома
Перемешана с мукой,
Да зато покойно дома,
А бывало — волком вой!

Дети были малолетки,
Я дрожал и за детей,
Как цыплят из-под наседки
Вырвет — пикнуть не посмей!

Как томили! Как пороли!

Сыну сказывать начну –
Сын не верит. А давно ли?..
Дочку барином пугну –

Девка прыснет, захохочет:
„Шутишь, батька!“ – „Погоди!
Если только бог захочет,
То ли будет впереди!“»

– «Есть у вас в округе школы?»
– «Есть». – «Учите-ка детей!
Не беда, что люди голы,
Лишь бы были поумней.

Перестанет есть солому,
Трусу праздновать народ…
И твой внук отцу родному
Не поверит в свой черед».

5 августа 1874 г. Goşgular